

Я всегда летаю в одиночку

Званный гость

ЗВЕЗДНЫЙ час еще студентки Института кинематографии Людмилы Гурченко, безусловно, наступил после фильма «Карнавальная ночь». Такого успеха не знала, пожалуй, никакая другая киноактриса. Ее героиня, Леночка Крылова, стала советской Золушкой, которой можно было запросто и во всем подражать. Поэтому девушки страны сразу стали походить на Гурченко, а остальная часть населения в удовольствие напевала «про пять минут»: «И улыбка, без сомнений, вдруг коснется ваших глаз, и хорошее настроение не покинет больше вас».

Много лет спустя Людмила Марковна с горечью признается: «Как неправильно, когда слава приходит к молодому актеру! Он еще сырой материал... Слава меня изломала и оставила в полном недоумении».

В реальности-то было еще хуже. Любая зрительская любовь, многочисленные выступления на концертных площадках и в дешевых фильмах привели молодую актрису к тому, что главная газета страны выступила с разгромным фельетоном и карикатурой. По неписаным законам тогдашней идеологии на творческой карьере Гурченко ставился жирный крест, и в девятности девяти из ста случаев подобный вердикт обжалованию не подлежал...

— Что помогло вам, Людмила Марковна, выстоять перед жесточайшим ударом судьбы: характер, стечение обстоятельств, поддержка друзей, вера в себя?

— В каком-то смысле каждое из этих обстоятельств помогло. Но, как мне представ-

ляется на дистанции довольно долгого времени, все же главным спасательным кругом явилась моя профессия. Она для меня — как религия. А может, и больше, чем религия. В этом смысле я, наверное, счастливый человек: судьбе угодно было подарить мне дело, занятие, которое поглощало и до сих пор поглощает меня полностью, без остатка. Даже не представляю себе, кем бы могла быть еще, кроме как актрисой.

Эта фанатичная вера в профессию в конечном итоге и позволила мне выстоять. Хотя я долго не могла прийти в себя, оставшись на пепле. Казалось, уже никогда не поднимусь, не выживу. Но именно тогда, как теперь понимаю, я стала особенно сильной. Потому что судьбой своей управляла сама.

— Вы никогда не делали секрета из того, что в искусстве исповедуете принципиальный и достаточно жесткий индивидуализм...

— Истинная правда. Я всегда летала и летаю, как орел, в одиночку. Поэтому воробьи, приверженцы стаи, меня не любят.

...Согласитесь: творческая жизнь актрисы просто изобилует головокружительными взлетами и падениями. Чего стоит хотя бы тот творческий тупик, в который по молодости лет завело ее коварное ампула, когда самоповторения становились все более удручающими, а первый успех многим стал казаться явлением случайным. Однако она нашла силы не только безжалостно высмеять собственные штампы (в данном случае имеется в виду пьеса «Тень» Е. Шварца), но и дерзко разрушить устоявшиеся стерео-

типы. Так появилась роль директора ткацкой фабрики в фильме режиссера В. Трегубовича «Старые стены». Поклонники Гурченко не верили: неужели это та самая актриса, которая так потрясла их в «Карнавальная ночь»?

В шоке оказались и многочисленные записные партийные критики, которые уже давно похоронили «эксцентричную выскочку». Никто из них не мог взять в толк, откуда у этой «посредственности» взялись столь мощная драматическая игра, такой тонкий психологический рисунок роли? Они не понимали: для настоящих художников непреодолимых высот не существует. Гурченко блестяще доказала это в своих последующих фильмах «Двадцать дней без войны», «Особо важное задание», «Сибиряда», «Вторая попытка Виктора Крохина».

После лирической, пронзительной картины «Пять вечеров» французская пресса с почтением назвала актрису «московской Жанной Моро». Американские зрители навзрыд плакали над судьбой героини из фильма Никиты Михалкова.

Примерно в это же время Людмила Марковна совершила талантливый прорыв на музыкальном фронте, подготовив на телевидении большую программу «Песни военных лет».

«Меня поразило, — печатно восторгался известный поэт Михаил Матусовский, — как Людмила Гурченко сумела передать сам дух фронтовых песен, их душевность и чистоту,

их строгость и даже некоторую сентиментальность, как по-разному исполняла она лихую песенку о двух отчаянных тетках Максимах и трогательный прощальный офицерский вальс. На экране не было особых декораций и выгородок, артистка была одета весьма скромно, оператор чаще всего снимал певицу крупным планом, следя за ее глазами, ловя выражение лица, но вместе со старыми мелодиями перед нами проходило Время».

Если что-либо здесь и можно добавить, так лишь то, что блестящим исполнением фронтовых песен Гурченко

окончательно победила всех своих недругов. Ибо даже самые злые и занудные критики творчества актрисы вынуждены были признать: в советском песенном искусстве случилось явление. Что же касается кинематографистов, то они наперебой стали предлагать Людмиле Марковне новые роли. Одна из которых — в фильме-сказке «Мама». Примечательность работы заключалась в том, что актриса спустя многие годы вновь снималась в музыкальной ленте. Но лучше бы она обошла ее стороной...

В одном из эпизодов Гурченко сломала ногу. Перелом был жутким, на языке профессионалов — множественным. Даже самые оптимистичные эскулапы в один голос заявляли: танцевать после такой травмы невозможно. Роль кое-как она досняла, работая в гипсе, превозмогая адскую боль. Но что такое физическое страдание на фоне нравственных мучений, когда над тобой дамокловым мечом висит приговор медиков!

О том, как Гурченко в очередной раз победила трагические жизненные обстоятельства, в двух словах не скажешь, потому что все эти бесчисленные массажи, специальные тренировки и уникальные упражнения растянулись на долгие месяцы. Но все превозмогла, все сдю-

жила эта хрупкая женщина.

— Людмила Марковна, я, разумеется, не оригинален, и все же как это вам удается держать себя в такой прекрасной форме?

— Многое во мне от природы, если хотите, от Бога. Я не следую каким-то особым диетам. Не исповедую модную сейчас восточную философию. Я такая, как есть, — спасибо отцу с матерью.

Помню, после фильма «Гулящая» обо мне вдруг заговорили как об... алкоголичке. А я человек вообще непьющий. Если бы я себе позволяла дружбу с Бахусом, то никогда бы не выглядела так, как выгляжу. Опять же профессия у меня такая. Способ моего существования таков, что не позволяет иметь слабости, обычные для многих других людей. Я всегда жестко, если не жестоко смотрела на себя в зеркало.

— Коль упомянули о родителях, расскажите, пожалуйста, о них подробнее.

— Я вот иной раз думаю: хорошо, что мой отец не дожил до сегодняшних времен. Ему было бы трудно, если вообще возможно понять: все, что давал людям, стране — все это оказалось ненужным... И революцию он вряд ли переосмыслил бы. Она ведь для него действительно открыла все возможности. Правда, на склоне лет папа все-таки пришел к выводу, что по призванию никакой он не шахтер, не баянист, а крестьянин. Просто обстоятельства «втацили» его совсем в другую жизнь...

А мама моя — потомственная дворянка. Если от папы мне достались веселость нрава, черты характера, которые многими расцениваются как «простолудинские», то мамино на-

следство — жесткость, собранность, тот самый индивидуализм, который во многом помог мне в жизни. Еще больше — в искусстве.

Вообще-то у меня были замечательные родители. Но могут ли они быть иными?..

— Интересно, как вы сами относитесь к нашей российской, во многом незадавшейся жизни?

— Нормально отношусь. А скажу о другом. Когда вдруг стало все можно, многие заглохли. Не смогли переплюнуть сами себя, потому что весь запас плевков исчерпался, а больше ничего за душой не было. Получилось, что к свободе мы пришли без всякого запаса. А он нужен и в жизни, и тем более в творчестве.

— Несколько слов о ваших планах и пожеланиях нашим читателям.

— Буду работать. Мечтаю о театральной роли, хотя бы не хуже той, которую сегодня играю в Театре сатиры. Выпускаю компакт-диск «Грустная пластинка. Советские песни в джазе». Езжу с концертами и по стране, и за рубежом.

Ну а читателям пожелаю выдержки, бодрости духа и надежды. Не унывайте, не бойтесь, рискуйте. Помните, как пела моя Вера из «Вокзала для двоих»: «Не проиграв, не победить!»

...Гурченко не грозит старость. У этой актрисы со временем особый сговор, идущий от тех незабвенных «пяти минут». Тысячу раз прав был Никита Михалков, когда сказал: «Пока поет Люся, эту страну не победить». Будем учиться у нее жизненной смелости и дерзости. А Людмила Марковна пусть знает: если зрительская любовь и впрямь чего-нибудь стоит, то она, Гурченко, очень богатый, скажочно богатый человек.

Михаил ЗАХАРЧУК.
Фото Юрия БЕЛОЗЕРОВА
(ИТАР-ТАСС).